

сакральной нечистоты. У многих народов существовал обычай, вернувшись с кладбища после погребения очиститься огнем и водой, пройдя мимо костров, потому как мир умерших — чужой мир. Языческие обычаи прыганья через костер в праздники также своеобразный очищающий ритуал.

Таким образом, представления об огне, как о духовном покровителе были связаны с периодом изначальной пиротехники. Тогда же и там же началось его обожествление, формирование его культа, в котором должны были отразиться осознание значимости огня и моменты реальной истории постижения его управляемости. Эти представления были ритуализированы в обрядовых действиях, передавались из поколения в поколения и дошли до нашего времени, свидетельствуя о древности происхождения народа и об устойчивости его культуры.

Примечания

¹См.: Макаренко В.К. Человек и огонь. Ярославль, 1982.С. 13

²См.: Алексеев В.П. Становление человечества. М.: 1984.С. 158

³См.: Левин В. Хранительницы времени и огня// Энергия. 1996.№ 3.С. 36

⁴Банзаров Д. Собрание сочинений. 2-е изд., дополн., Улан-Удэ, 1997.С.42-43

⁵Манжигеев И.А. Бурятские шаманские и дошаманские термины. М., 1984.С.72

⁶Шадаева А.Т. Некоторые проблемы этнокультурной истории бурят. Улан-Удэ, 1998.С.19

⁷См.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903.С.222

⁸Там же. С. 223

⁹См.: Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991,С.417

¹⁰Зеленин Д.К, Указ.соч.С. 76

¹¹Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.С.34

¹²Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. Т.1/Под ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука, 1989.С, 76

¹³Максимов С.В. Указ.соч.С.204

¹⁴Срезневский И.И. Святилища и образы языческого богослужения древних славян по свидетельствам и преданиям. Харьков, 1846.С. 28

¹⁵История религии. В.2 т.ТЛ.М., 2002.С.261-262

¹⁶Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.С.284

¹⁷См.: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.С.116

¹⁸Славянская мифология: Энциклопедический словарь. С.284

¹⁹Максимов С.В. Указ.соч.С.204

²⁰Славянская мифология.С.316-317

²¹Максимов С.В, Указ.соч.С.213

*Щербаков Е.В.
Восточно-Сибирский филиал
Российской академии правосудия*

**ПРАВОСЛАВИЕ И ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

Тема нашей конференции, на первый взгляд, носит вполне академический характер. Безусловно, обсуждение методологических и методических принципов обучения религиоведению, уточнение позиций, обмен опытом — дело и интересное, и полезное. Но если несколько изменить угол зрения и попытаться взглянуть на религию не как на предмет обучения, не академически отстраненно, а как на саму душу народа, как на органическую основу и содержание личностной и национально-государственной идентичности, то острота и актуальность вынесенной на обсуждение проблематики многократно возрастает.

В предельной остроте своей главный вопрос нашей конференции может быть сформулирован следующим образом: на какой культурно-цивилизационной основе способна Россия сохранить свою историческую субъектность? Должна она в целях достижения державной мощи, развития, процветания и справедливости обратиться, а точнее, вернуться к своим традиционным духовным корням или она должна окончательно освободиться от духовной традиции и всецело переориентироваться на цели и смыслы современной западной цивилизации? Россия по определению не может черпать духовные ресурсы своего бытия ни в Китае, ни в Индии, ни в мусульманском мире. Главная и единственная дилемма России в выработке основ своей идентичности в современном мире — Запад или своя собственная, отличная от западной, культурно-историческая судьба. Уточню, что речь идет не о вековом споре православия и католицизма. Речь идет о двух ценностно альтернативных моделях социального и личностного бытия: или потребительский антропоцентрический секуляризм, ставший идеологической нормой Запада, или традиционное, основанное на христианстве, сознание. Кажется, других альтернатив цивилизационного уровня для России на сегодняшний день не существует.

Какая бы из этих альтернатив ни была принята в качестве идеологической стратегии, вопрос о религии вообще и о православии в особенности неизбежно выходит на первое место. Если побеждает ориентация на традиционный христианский тип цивилизации, православие становится главной духовной опорой, живым источником всего нашего национально-государственного строительства и исторического движения в XXI веке. Если же побеждает ориентация на идеологические ценности и смыслы западной цивилизации, православие превращается в тормоз и анахронизм. То есть, вопрос об исторической судьбе России не может быть решен в отрыве от вопроса о православии.

Заостренность постановки вопроса, вызывает и острую критику. «Зачем вообще поднимать этот запутанный, крайне болезненный и деликатный вопрос?» — спросит современно — т.е. прагматически — мыслящий

политик. «В России слишком много других, действительно насущных проблем, на которых и следует сосредоточиться. При президенте В.В. Путине социально-экономическая ситуация меняется к лучшему, а сам Путин, по всей вероятности, не собирается уходить из большой политики. Поэтому пусть все идет как идет».

Рассматривая такой подход, следует иметь в виду следующие обстоятельства. Первое и самое очевидное: президенты приходят и уходят, и никаких гарантий, что следующие президенты будут проводить политику в интересах России, нет. Так же очевидно, что ни одно общество не может существовать без идеологии. Воистину, «вначале было Слово»! Призыв либералов на рубеже 90-х гг. XX века деидеологизировать Россию и всецело довериться «невидимой руке рынка» на поверку оказался самой изощренной идеологической диверсией. Не может быть экономики или политики самих по себе, черпающих из себя самих смыслы и цели. И та, и другая реализуют в конечном итоге идеологические ценности и приоритеты. Сегодня, как, впрочем, и всегда идеологические проблемы и задачи стоят даже острее, чем социально-экономические. Мы не найдем объективности в общественной науке в духе марковского истмата. Истина не в том, что она объективно существует, но скрыта от наших глаз, а в том, что она создается и реализуется как ценность. Общественная наука должна искать не объективные истины, которых нет, а вырабатывать ценности, которые могли бы увлечь большие массы людей.

Культурно-историческая особенность и сила России — это ее идеократический характер. Начиная от кн. Владимира и митрополита Илариона Русь-Россия идентифицировала себя как православная цивилизация. Это формулировалось как идеология «Москва -III Рим», или «Самодержавие, православие, народность». Коммунистическая идеология в СССР, при всех ее изъянах, цензуре, гипертрофированной партийности, утопизме исторических целей вдохновила народ на создание сверхдержавы, устремленной к великому будущему. Может быть, парадоксальная преемственность православной и коммунистической идеологий и состояла в их остро переживаемом мессианстве, в их ориентации на идеал неотмирности. Этим духовным ориентациям абсолютно чужд этноцентризм и национализм. Русская идея вызревала в веках, включая сюда и век XX, не как «мой дом — моя крепость», но как справедливость и соборная державность. Духовный фактор в русской истории всегда был первичным, определяющим.

Те духовные и социально-политические идеалы, которые были выстраданы и приняты нашими далекими предками, стали основой нашей великой истории. Соборная державность позволила русским построить

мощную империю, освоить громадные территории, объединить множество этносов, создать универсальную суперэтническую культуру, выстоять и сохранить независимость в самые тяжелые моменты. В России, где проживают сотни различных народностей, никогда не было и быть не могло резерваций, как, например, в США. Нелюбовь Запада к православной России объясняется еще и тем, что все попытки завоевать Россию, колонизировать ее неизменно оканчивались поражением самого Запада. Великие победы нашего Отечества в ожесточенных войнах с наполеоновской или гитлеровской Европой нельзя понять и объяснить, не учитывая фактор российской соборной державности.

Принцип «laissez faire и laissez passer» подобно принципу «невидимая рука рынка разрешит все проблемы» в современном мире не работает. Точнее, он работает на сильных против слабых. Сильные только и ждут, чтобы их условия были приняты, и всякое сопротивление со стороны слабых сошло на нет. Курс на деидеологизацию конца 80-х — начала 90-х годов именно на это и был рассчитан и во многих аспектах удачно для либералов и к несчастью для России осуществлен. Мир втянут в процессы глобализации, и расколотость и противоречивость его усиливается» После падения СССР натиск Запада на Россию не ослабился. То есть дело было вовсе не в коммунистическом тоталитаризме. «Золотой миллиард» рассматривает Россию отнюдь не как партнера, но как один из важнейших объектов своих глобальных притязаний. Распад СССР был лишь первым актом политики глобализма. Теперь стратегической и уже проговоренной целью Запада является распад России. Важнейшими барьерами здесь выступает пока еще не разрушенный до конца ракетно-ядерный потенциал и незатухшая в народном сознании искра православного идеала.

Приняв в современных условиях стратегию «laissez faire», когда российское общество духовно истощено, когда традиционная национально-государственная идея всячески третируется, значит включиться в выполнение западного проекта глобализма.

Теперь о содержательной критике предлагаемых духовных приоритетов. Эта критика ожидается, по крайней мере, с двух позиций — естественно-научного материалистического мировоззрения и идеологии либерализма, принимающей в данном случае форму толерантности.

Вот, например, недавнее, нашумевшее открытое письмо президенту о недопустимости клерикализации школы, государства и общества 10 выдающихся российских ученых, включая лауреатов Нобелевской премии. Пафос ученых можно выразить следующим образом: вся история человечества, и России в том числе, неопровержимо свидетельствует о росте научного знания. Именно научные знания, а не домыслы веры лежат в

основе цивилизационного развития. Вызовы времени настоятельно требуют ориентации на дальнейшее опережающее развитие науки, а не возвращения к церковной бездоказательной догматике, на чем активно настаивает РПЦ.

Как мне представляется, в позиции ученых следует выделить две составляющих. Во-первых, озабоченность состоянием науки и научного знания в современной России. Безусловно, с этой озабоченностью следует согласиться. Внимание к развитию отечественной науки должно стать приоритетной задачей государства и общества. Так же очевидно, что ни РПЦ никакая другая российская конфессия не возражает против инновационного развития страны. И вовсе не религия и церковь виноваты в том, что некогда передовая по уровню научно-технического развития держава мира в мгновение ока растеряла свой могучий потенциал и оказалась ныне на заднем дворе цивилизации. Во-вторых, церковь стимулирует десятки и сотни тысяч талантливых и перспективных российских ученых покидать страну и реализовывать себя в научных центрах наших конкурентов.

Другая составляющая позиции ученых — отстаивание исключительного права науки и материализма на формирование мировоззрения и системы ценностей населения и особенно молодежи. Но способна ли наука сама по себе дать человеку систему взглядов и ценностей, следуя которой он обрел бы смыслы и идеалы своей личной и гражданской жизни? Что, собственно, наука доказывает? Откуда она черпает уверенность в своем монопольном праве на обладание непоколебимыми истинами духовно-мировоззренческого характера и уровня? Может ли наука своими собственными средствами решить экзистенциальные проблемы бытия, встающие перед каждым, — проблемы смысла жизни, одиночества, любви и служения, патриотизма и т. д.? Возможно ли на основе только научного знания сформировать подлинно гуманистическую нравственность, объяснить человеку, что есть добро и зло и направить его на пути добра? Еще Ж.-Ж. Руссо обосновывал положение, согласно которому сам по себе прогресс научного знания не способствует улучшению нравов.

Кажется, наши блистательные ученые так и остались во временах господства воинствующего материализма, не замечая того, что сам-то он строится на догматической вере во всемогущество науки. Гораздо более плодотворен подход, соединяющий веру и разум, нравственность и знание в деле воспитания личности, которая в ближайшем будущем примет на себя ответственность за судьбы Отчизны. И совершенно непонятно, как и чем может помешать этой личности духовная ориентация на православные ценности.

Оппонент, исповедующий толерантность, раскритикует призыв автора вернуться к традиционным православным духовным ценностям с позиций защиты прав российских конфессиональных меньшинств. Россия — многоконфессиональная страна. Почему же судьбы России связываются только с православием? А как же быть мусульманам? Как быть буддистам, иудеям, католикам и протестантам? Что же? Они должны, вопреки свободе совести, духовно переориентироваться на православие? Это — не толерантно и не корректно ни с какой точки зрения. Такой подход, в конце концов, противоречит действующей Конституции, закрепившей светский характер российского государства»!

Признаем, что эти критические вопросы оппонентов имеют под собой определенную реальную почву. Имеется в виду, что если кто и страдает сегодня в стране от «нетолерантного» к себе отношения, то это в первую очередь русские, независимо от их конфессиональной принадлежности. Достаточно почитать чуть ли не ежедневные сообщения прессы об отношении к русским на Кавказе. По существу же вопроса, речь вовсе не идет о превращении государства в православную теократию. Речь не идет о властных отношениях, как и о выдавливании из системы образования научного знания. Думаю, что и в православной церковной среде сегодня нет ни одного человека, который даже втайне мечтал бы об этом. Речь идет только и всецело о духовном воспитании, о духовных ценностях.

Во-вторых, при всех сложностях определения конфессиональной самоидентификации человека, не вызывает никакого сомнения тот факт, что абсолютное большинство населения России относит себя к православным. Иначе и быть не может, ибо в России проживает более 80% русских. По данным социологических опросов, сегодня примерно 70% населения доверяют РПЦ. По заявлению председателя Совета муфтиев России (СМР) Равиля Гайнутдина, мусульман в России насчитывается примерно 20 млн. человек. Любопытно при этом отметить, что в последние годы 2,5 млн. этнических мусульман приняли православие, в то время как всего 2,5 тыс. православных перешли в ислам.

В-третьих, религиозное насилие со стороны православия в отношении ислама и других конфессий существовало и существует только в болезненном воображении проповедников толерантности. Сама сущность православия, закрепленная многовековым опытом диалога с тем же исламом, свидетельствует о его терпимости. Никогда и ни в какой форме православие не выступало с призывами закрыть мечети или запретить воспитание в духе ценностей ислама в мусульманской культурной среде. С другой стороны, все здравомыслящие россияне, каких бы верований они ни придерживались, отдадут себе отчет в том, что именно от состояния русских

и духовно окормляющего их православия напрямую зависит будущее России. Это, кстати, прекрасно понимают и недруги России как вне, так и внутри страны. Ослабление русских через навязывание комплекса вины, приписывание генетически заложенного рабства и абсолютной неспособности к свободе, через извращение и оплевывание русской истории и требования всемирного покаяния — все это из арсенала «оргоружия» против русских, а, стало быть, и против России.

Одним из аргументов сторонников западной модели является указание на глобализм как сущностную тенденцию современного мирового порядка и развития. России просто некуда деться от вызовов глобализма. Она должна или принять западные стандарты, ориентированные на глобализм, или быть сметенной этим историческим потоком.

Охватить единым взором, выразить единой формулой все многообразие предпосылок и явлений глобализма, коренящихся и реализующихся в сфере мировых финансов, экономики, торговли, технологии, дипломатии, идеологии, культуры, образования, педагогики, психологии и даже спорта сегодня вряд ли возможно. Но также ясно, что современный социальный мир как на уровне мирового сообщества, так и на уровне России невозможно понять без учета этого фактора. Перед философией и, прежде всего, перед социальной философией встают чрезвычайно сложные и актуальные проблемы осмысления этой новой эры мирового социального процесса.

Наблюдаемые тенденции порождают три главных вопроса, которые никак нельзя обойти в социально-философском анализе. Во-первых, является ли глобализация процессом объективным и закономерным, как, например, объективен и закономерен научно-технический прогресс? Во-вторых, способен ли рождающийся на наших глазах миропорядок дать возможности полноценного и качественного бытия человека и общества? Ведет глобализм к росту экономики и культуры, способствует социальному прогрессу или, напротив, толкает мир в нестабильность и деградацию? И, наконец, в-третьих, каковы возможные последствия осуществления идей глобализма для России? Объективно аргументированных и ясных ответов на эти вопросы нет.

В целях точности методологического анализа разделим понятия «глобализация» и «глобализм», памятуя, что они теснейшим образом связаны, взаимообусловлены и взаимопорождаемы. Под глобализацией будем понимать процессы формирования единого мирового рынка. Глобализация — это скорее категория экономическая, точнее — социально-экономическая. Глобализм же есть крайне агрессивная идеология и практика навязывания миру одной-единственной культурно-нравственной и

мировоззренческой модели в качестве истинной и возможной. В идеальной модели глобализма нет суверенных государств, нет национальных традиций, нет самобытных культур. Унифицировано абсолютно все — религия, право, образование, сам человек. Даже половые различия отвергаются — бал правит унисекс. Можно сказать, пользуясь образами Ф.М. Достоевского, что глобализм стремится вогнать мировое сообщество в «беспорный общий и согласный муравейник».

Глобализация, по всей видимости, является процессом закономерным. Глобализация есть процесс хозяйственного (научно-технического, экономического) освоения всей планеты. Как таковой этот процесс, очевидно, совершенно естествен и объективен, ибо человечество едино по своему типу, виду, замкнуто в едином пространстве и организует свою деятельность на основе не знающих национальных и государственных границ науки, техники, технологий. Объективность глобализации в том, что она продолжает на основе научно-технической и, прежде всего, информационно-технологической революции логику развития империализма. На рубеже XIX-XX вв. на смену эпохе классического капитализма, основанного на свободной конкуренции, пришла эпоха монополии. На наших глазах ТНК, опираясь на военно-государственную машину, стремятся овладеть и осуществлять абсолютный диктат над национальными рынками, некогда контролируемые национальными монополиями.

Глобализм же есть идеологический проект, разработанный и внедряемый силами атлантизма и, прежде всего, США. Один из корней, на котором глобализм хотел бы утвердить свою объективность и историческую неизбежность, есть единство человеческого рода. Действительно, стремление к единству — вековая мечта и цель человечества. Категории «всеобщее» и «единое» — центральные категории античной философии. Борьба против культурно-этнической разобщенности и враждебности есть одна из сущностных сторон христианства, выраженная в крылатом изречении Апостола Павла: «Нет ни эллина, ни иудея!» «Все равны; все, кто верует во Христа, — братья по вере и сыны Божий. Вера объединяет людей в помыслах и деяниях, а потому верующие все одно — новый человек». С мировоззренческих позиций модерна, воплотившихся в проекты либерализма и коммунизма, род человеческий также един. В значительной степени это социальное единство было практически реализовано в СССР да и, пожалуй, во всем социалистическом лагере во времена пресловутого «застоя».

Однако процессы глобализации, как и процессы человеческого бытия в целом, определяются коренными целями и интересами человека и

общества, взятых не в абстракции, а в конкретных социально-культурных связях. На какой основе, на каких принципах возможно единство человечества? Во имя чего оно может и должно быть едино? Во имя Бога, т.е. любви, социального равенства и справедливости, взаимовыгодной интеграции и кооперации или во имя спокойствия, комфорта, земного счастья какой-то одной конкретной нации, государства или фирмы? Современные глобалисты сделали бескомпромиссный выбор в пользу второй альтернативы. Глобальный мир раскрывает себя как мир привилегированный, элитарный. Глобализм есть привилегия, которую решено отстаивать, невзирая на любые преграды. А преградами являются: национальное государство, прежняя мораль ответственности и социального служения, наконец, сам народ. Как в свое время сформулировал Р. Рейган, уровень жизни американцев — вне обсуждений и критики. В то же время, как об этом заявляла М. Тэтчер, для России вполне достаточно — «экономически целесообразно» — 25 мл. человек. Теория и практика глобализма произрастает в действительности не из единства рода человеческого и даже не из либеральных ценностей, а из непреложного стремления назначивших себя избранными к мировому господству. Понятие «глобализм» описывает именно эти процессы. Единство рода человеческого в риторике глобалистов — от лукавого.

Цели глобализма — переформатировать весь мир, добиться его фактической и юридически оформленной однополярности и эксплуатировать его в своих интересах. Еще недавно говорили о «золотом миллиарде» как главном субъекте глобализма, теперь же все чаще этот миллиард сужают до уровня «бриллиантовых 100 миллионов». То есть, идеология глобализма осуществляется в интересах абсолютного меньшинства населения планеты. Естественно, что Россия в этот список избранных не попадает.

Более того, Россия является одним из главных объектов атак глобализма. Это объясняется и прошлыми счетами Запада к России, которая не пожелала покориться ни Ватикану, ни Наполеону, ни Гитлеру. Но главнейшими причинами претензий к России со стороны Запада в современном мире являются, с одной стороны, все еще сохраняющаяся инаковость русской духовной культуры, с другой — российские природные богатства, особенно углеводороды. Когда мы размышляем о современном мире, этот факт никак нельзя упускать из виду.

Логика глобалистов здесь примерно следующая. Россия «совершенно случайно», а поэтому «несправедливо» владеет колоссальными природными богатствами, в то время как «свободный и демократический мир» этих богатств лишен. А нефть, газ, пресная вода, древесина, цветные

металлы так нужны для дальнейшего осуществления прогресса, естественным проводником которого является западная цивилизация. А почему, собственно, нельзя пересмотреть существующий порядок вещей? Тем более, что он сложился всего-то 400-500 лет назад. Что значит «суверенное» государство? В современных условиях это — анахронизм. Если это противоречит насущным требованиям мирового сообщества, надо отменить суверенитет или поставить его под контроль международной юрисдикции.

Так или иначе, идея интернационализации российских недр уже сформулирована и даже конкретизирована. Она уже вышла за пределы идеологических центров и стала предметом обсуждений на политическом уровне. Трудно прогнозировать, как будут развиваться события. Но предельно ясно, что осуществление проекта глобализма представляет смертельную опасность для России как суверенного государства. Нет сегодня для России проблемы более острой, нежели проблема сохранения своего суверенитета, своей исторической субъектности. Самосохранение России в этом качестве немыслимо без активной и даже в определенном смысле агрессивной идеологии.

Лично мне представляется, что национально-государственная идея, способная консолидировать страну, таится не в западных идеологемах «марксизм» (социализм, коммунизм) — «либерализм», а в национальных пластах коллективного сознания. Русская консолидирующая идея должна и может созидаться не на классовой (марксизм) или индивидуалистической (либерализм) основе, а на основе национальной субъектности исторического развития. Эта идея может быть только мессианской, спасающей, взывающей к справедливости. Поэтому национально-государственная идея России может родиться лишь на традиционной православной основе.